

© Л. М. БАЙДУЖ, ЦЗИН ТУН

Тюменский государственный университет
lbayduzh@gmail.com, 184613074@qq.com

УДК 811.161.1

**ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ VS ПРИДАТОЧНЫЕ
ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА
«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ГРУППЫ ОПРЕДЕЛЯЕМЫХ СЛОВ**

**PARTICIPIAL CONSTRUCTIONS VS ATTRIBUTIVE
CLAUSES IN A.S. PUSHKIN'S TALE "THE CAPTAIN'S DAUGHTER":
LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF ATTRIBUTED WORDS**

Обособленные определения, выраженные причастными оборотами, и придаточные определительные традиционно считаются синонимичными и взаимозаменяемыми конструкциями, однако очевидно, что их взаимозаменяемость имеет определенные ограничения. В статье предпринимается попытка выявления семантико-грамматического потенциала каждой конструкции. Объект исследования — текст повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». За основу анализа взяты наблюдения за лексическим составом определяемых слов и его классификация, позволяющая сделать обозримыми и сопоставимыми ситуации употребления причастных оборотов и придаточных определительных и выявить общие и различающиеся черты организации этих двух конструкций.

В процессе исследования было обнаружено совпадение лексико-семантических групп (ЛСГ) определяемых слов, употребляющихся в романе с причастными оборотами и с придаточными определительными (ЛСГ «Человек», «Сферы жизнедеятельности человека», «Артефакты», «Природные объекты») и установлены расхождения внутри подгрупп. Проведенный анализ и полученные статистические данные выявляют большую частотность встречаемости причастных оборотов по сравнению с придаточными определительными и более широкий семантико-грамматический потенциал причастных оборотов.

Isolated attributes expressed by participial constructions and attributive clauses are traditionally considered synonymous and interchangeable, but it is clear that their interchange-

ability has certain limitations. The paper attempts to identify the semantic and grammatical potential of both structures. The object of study is the text of Pushkin's tale "The Captain's Daughter".

The authors analyse the lexical meanings of the attributed words and also define the lexical classification of these words. We reckon that the result of our analysis will allow us to make situations, in which participial constructions and attributive clauses are involved, more observable and comparable, and to identify common and different features of the organization of these two structures.

During the research it was found that the lexical-semantic groups (LSG) of the words attributed by participial constructions and attributive clauses, coincide. Those lexical-semantic groups are as follows: "A human being," "Spheres of life," "Artifacts," "Natural objects." Some differences within subgroups were also established during the research. The undertaken analysis and the resulting statistics reveal a larger frequency of occurrences of participial constructions compared to attributive clauses, and a broader semantic and grammatical potential of the participial constructions involved.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Причастный оборот, придаточное определительное, классы определяемых слов, А. С. Пушкин, повесть «Капитанская дочка».

KEY WORDS. A participial construction, an attributive clause, classes of attributed words, A. S. Pushkin, tale "The Captain's Daughter".

Известный изоморфизм обособленных определений, выраженных причастными оборотами, и придаточных определительных с союзным словом *который* создает базу для работы по развитию навыков вариантного конструирования предложений — и в обычной школьной практике, и при изучении русского как иностранного. Однако взаимозаменяемость данных конструкций имеет определенные ограничения, которые не всегда очевидны для обучаемых, особенно носителей других языков*, и актуальной задачей современных описаний является систематизация ситуаций, в рамках которых такие взаимозамены возможны или, наоборот, невозможны.

Цель данного исследования — выявление черт сходства и различия в формальной организации, лексическом наполнении и семантике предложений с причастными оборотами и придаточными определительными, разрешающих или исключающих их взаимозамены. Центральным компонентом данных синтаксических единиц является определяемое слово, и в основу систематизации материала положена классификация лексико-семантических групп слов, употребляющихся в этой позиции в каждой конструкции, что позволило провести сопоставительный анализ организации предложений с причастными оборотами

* См. некоторые замечания о трудностях в конструировании предложений с союзным словом *который* иностранными студентами: «В современных лингвистических исследованиях дистантное употребление *который* или игнорируется, или описывается очень фрагментарно. В пособиях по РКИ оно также обычно не рассматривается, поэтому иностранные учащиеся или избегают употреблять дистантное *который* в своей речевой практике, или употребляют его с ошибками» [8, с. 304].

и придаточными определительными, извлеченных методом сплошной выборки из текста одного произведения.

В качестве объекта исследования был взят текст повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». На данном этапе использовались методы непосредственного наблюдения, количественных подсчетов, классификации и лингвистического описания, дистрибутивный и сопоставительный анализ единиц.

Опыт анализа результатов трансформаций конструкций двух типов — простого предложения с причастным оборотом ↔ сложноподчиненного предложения с придаточным определительным, вводимым союзным словом *который*, представлен в исследовании Т. Н. Волынец [1]. В другой работе она проследивает различия в употреблении этих двух конструкций в романах Б. Пастернака «Доктор Живаго» и М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и объясняет эти различия следующим образом: «Стилевой дуализм пастернаковского романа, объединение в нем двух противоположных начал — эпического и поэтического, требует от автора активного использования причастных форм, обеспечивающих *динамичность изложения, семантическую насыщенность и плотность языка*. В отличие от Б. Пастернака, М. Булгаков реже обращается к причастным формам, предпочитая в своих уникальных по жанру, фантазмагорических произведениях *эксплицитное обозначение действия*» [2, с. 27] (курсив наш — Л. Б., Т. Ц.). М. А. Кормилицына отмечает, что функции причастных оборотов в художественном тексте — «характеризующие, идентифицирующие»: «С помощью таких конструкций автор художественного произведения стремится максимально детально и образно описать предмет или лицо, выделить его. Причастные обороты позволяют ему устранить семантически избыточное и однообразное повторение одних и тех же слов» [5, с. 312].

Описание каждой из этих двух конструкций с различной степенью детализации представлено в учебной литературе, в специальных статьях, и многие наблюдения, введенные в научный оборот, могут быть взяты за основу при выявлении семантико-стилистического потенциала и грамматических особенностей, объединяющих и различающих причастный оборот и придаточное определительное, и при составлении программы такого исследования.

Так, М. И. Черемисина и Т. А. Колосова обращают внимание на следующую важную деталь причастных оборотов: «Условием употребления причастного определения является участие одного и того же предмета, референта, определяемого причастием имени, в двух ситуациях: мальчик толкнул девочку — девочка (та же самая) прыгала через веревочку мальчик толкнул девочку, прыгавшую через веревочку» [1, с. 89]. Е. С. Скобликова и А. М. Ломов отмечают такую же особенность придаточных определительных, указывая, что «доминирующим» средством связи в них является слово *который*: «Из местоименных прилагательных наиболее типичным является слово *который*, являющееся знаком тождества предметов, упоминаемых в главной и придаточной частях: “Мне страшна главным образом обыденщина, от которой никто из нас не может спрятаться” (А.Чехов)» [7, с. 215]; «*Который* является простым заместителем

определяемого существительного и выражает отношения реального тождества с соответствующим предметом» [12, с. 60]. В специальном исследовании У И-и это положение уточнено: отмечается, что такое тождество обязательно только для части сложноподчиненных предложений с придаточными определительными — ограничительных предложений, а в распространительных прослеживается более сложная картина [13, с. 66-67].

В них может быть:

- 1) тождество двух понятий в результате их соотнесения с одним и тем же предметом: «Через несколько минут явился слепой, таща на спине *мешок, который* положил в лодку» (М. Лермонтов);
- 2) тождество двух понятий только в некотором отношении в результате их частичного совпадения: «Это был типичный донецкий *город, жизнь которого* без завода бессмысленна и невозможна» (В. Попов);
- 3) несовпадение понятий: одно обозначает конкретный и единичный предмет, а другое — много предметов того же класса, что и данный: «Тройка то взлетала на пригорок, то неслась *с пригорка, которыми* была усеяна вся столбовая дорога» (Н. Гоголь)» [13, с. 66].

В учебной литературе [6, 12, с. 59, 60], грамматиках [3; 11] и специальных статьях основное внимание уделяется именно двум упомянутым «разновидностям» [4, с. 294-296] или «семантико-синтаксическим вариантам» [13] придаточных определительных: предложения «1) с придаточными, выражающими атрибутивно-выделительные отношения, и 2) с придаточными, выражающими атрибутивно-распространительные отношения. Ср.: 1) К больному пригласили *того врача*, который был в прошлый раз; 2) К больному пригласили *врача*, который сразу поставил диагноз» [6, с. 57]. Различия между этими предложениями, помимо наличия /отсутствия или возможности /невозможности введения указательного местоимения *тот* («наличию или отсутствию позиции антецедента в главном предложении» [13, с. 65]), обусловлены «семантическим своеобразием определяемого слова в главном предложении»: «Наиболее важна такая особенность семантики соотносительного имени, как определенность или неопределенность его значения. <...> Соотносительное слово ограничительного предложения в той или иной степени синсемантично и неопределенно. Оно нуждается в определении, в частности, придаточным предложением, чтобы стать обозначением конкретного, единичного предмета, выделяемого из ряда других. Соотносительное же слово распространительного предложения автосемантично и определено: оно само по себе, без придаточного предложения, обозначает конкретный, единичный предмет» [13, с. 66-67].

Е. С. Скобликова отмечает: «Определительно-присоединительный характер придаточное предложение приобретает тогда, когда определяемый предмет не нуждается в конкретизирующих признаках. Это наблюдается:

- а) когда он вполне определенно обозначен самим контактным словом главного предложения (например, собственным именем);

- б) когда его конкретизируют определения, относящиеся к контактному слову;
- в) когда он ясен из общего контекста, в частности — когда в описываемой обстановке это единственный предмет определенного типа <...>.

В условиях такой определенности придаточное предложение обозначает ситуацию, которая так или иначе связана с определяемым предметом и является его дополнительным признаком. Притом нередко это признак, который представляет только коммуникативный интерес в ходе повествования или описания *и по существу не характеризует сам предмет*» [12, с. 57] (курсив наш — Л. Б., Т. Ц.).

Подобное деление, насколько нам известно, не проводится применительно к причастным оборотам, а между тем оно может позволить конкретизировать упоминавшиеся выше ситуации возможности и невозможности взаимозамен причастных оборотов и придаточных определительных.

В «Русской грамматике» детализируются разновидности «неопределенных» слов: «К числу существительных, в сложном предложении всегда нуждающихся в восполнении, относятся слова со значением класса (такие как *вид, тип, род, класс, разряд*) и внешнего признака (*внешность, вид, лицо, рост, цвет, звук, голос* и т. п.). Потребность в восполнении также часто испытывают существительные с обобщающим значением, такие как *человек, дело, вещь, женщина, эпизод, ситуация, обстоятельство, положение, факт, случай, состояние, ощущение, чувство, мнение* [3, с. 696; 11, с. 57]. Опорные (контактные) слова придаточных с распространительным значением, как уже было сказано, «автосемантически»: такое слово «само по себе, без придаточной части, адекватно обозначает предмет, о котором идет речь. Это, прежде всего, собственные имена. <...> К собственным именам по семантическим свойствам приближаются названия уникальных (вообще или ситуативно) предметов, типа: *Вселенная, луна, солнце; сосед, начальник, президент*; для таких слов характерно вхождение именно в распространительные предложения. Большинство же существительных одинаково способно как к синсемантическому, так и к автосемантическому употреблению <...>: определяющую роль здесь играет контекст» [3, с. 696-697].

Опираясь на данные исследований причастных оборотов и придаточных определительных, введенные в научный оборот, мы ставим своей целью *параллельный анализ этих конструкций*, извлеченных из одного текста методом сплошной выборки.

В качестве объекта для наблюдения, как уже было сказано, был взят текст повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», поскольку, как показали предварительные наблюдения, в нем достаточно широко и разнообразно употребляются и причастные обороты, и придаточные определительные, часто в рамках одного предложения («Комендант, *раненный в голову*, стоял в кучке злодеев, *которые требовали от него ключей*»; «Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и *monsieur Бопре, бывший некогда солдатом*, дал мне несколько уроков в фехтовании, *которыми я и воспользовался*»; «Пугачев сел на том ди-

ване, на котором, бывало, дремал Иван Кузьмич, усыпленный ворчанием своей супруги»; «Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как»). Анализ встретившихся в тексте вариантов комбинаторики причастных оборотов и придаточных определительных в пределах одного предложения или абзаца может составить тему отдельного исследования.

Самым важным является выявление семантико-грамматического потенциала каждой конструкции, для чего, на наш взгляд, необходимо классифицировать весь материал по единым основаниям, позволяющим выделить как сходные или близкие ситуации функционирования той и другой конструкции (Ср.: «Иван Кузьмич, хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе». — «Она кликнула Ивана Игнатъича, с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство»), так и области несовпадения. Отправной (но не единственной) точкой систематизации мы избрали выделение классов определяемых слов в каждой конструкции и их сопоставление.

Как показали наблюдения над текстом повести, классы определяемых слов (и часто сами лексемы) почти абсолютно совпадают. Разделив весь материал на 4 группы, мы получили следующую картину (табл. 1).

Таблица 1

Частотность распределения обособленных определений, выраженных причастными оборотами (ПО₁), и придаточных определительных с союзным словом *который* (ПО₂) в тексте повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»

Тип ЛСГ	Количество употреблений		
	ПО ₁	ПО ₂	Общее количество
Человек	73 (44%)	65 (52,4%)	138 (47,9%)
Сферы жизнедеятельности человека	33 (20%)	39 (31,45%)	72 (21,45%)
Артефакты	47 (28,5%)	12 (9,67%)	59 (20,4%)
Природные объекты	12 (7,5%)	8 (6,48%)	20 (10,25%)
Всего	165 (100%)	124 (100%)	289 (100%)

Как видно из таблицы, самой частотной в обоих случаях является отнесенность определительных конструкций к номинациям человека, выраженным именами собственными или нарицательными, а также личными местоимениями, если это причастный оборот. Невозможность употребления *личных местоимений* в роли контактных слов в придаточных определительных — главное различие между двумя типами конструкций.

Если говорить о конкретных персонажах, то придаточные определительные не встречаются в высказываниях о главном герое и повествователе П. А. Гриневе, так как во всех обнаруженных в тексте предложениях употреблено местоимение *я*: «*Соединенный так нечаянно с милой девушкой*, о которой еще утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что все со мною случившееся было пустое сновидение». Этот пример напоминает еще об одном различии, связанном уже не с морфологической природой определяемых слов, а с порядком расположения компонентов конструкции: препозиция тоже возможна только для причастных оборотов («Я благодарил Савельича и лег спать в одной комнате с Зуриным. *Разгоряченный и взволнованный*, я разболтался»; «Попадья ушла. *Несколько успокоенный*, я отправился к себе на квартиру»), как и дистантное расположение (ср.: «Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, *утомленный душевно и физически*»; «Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, *убаюканный пением бури и качкою тихой езды*»; «Я сидел, *погруженный в глубокую задумчивость*, как вдруг Савельич прервал мои размышления»). Относительно последних конструкций А. Ф. Прияткина замечает: «Наряду с препозицией специальным показателем связи предикаций служит и дистантное расположение: оно акцентирует значимость полупредикативного члена. Высказывания типа *В конце января, овеванные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады* (Шолохов); *По целым дням он просиживал там, молчаливый и унылый* (Куприн) отличаются экспрессивной окраской» [9, с. 34].

Личные местоимения, к которым относятся причастные обороты, лишь в двух случаях употребляются в предложениях, повествующих о других персонажах, — о Швабрине и Маше Мироновой («*Облеченный властью от самозванца*, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, *он* мог решиться на все»). Номинационная цепочка именованний этого персонажа, встретившихся в рассматриваемых нами конструкциях, включает также лексемы офицер, дворянин, Швабрин, Алексей Иванович, но придаточные определительные употреблены только с именами собственными: «Я догадался, что это был *офицер, выписанный из гвардии за поединок*»; «С омерзением глядел я на *дворянина, валяющегося в ногах беглого казака*»; «*Швабрин, совсем уничтоженный*, стоял как остоленелый». — «Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошел к *Швабрину, с которым и провел целый вечер*»; «Итак, переписав мою песенку, я понес ее к *Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца*»; «Я долго была больна; а когда выздоровела, *Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки*, принудил отца Герасима выдать меня ему, застравав Пугачевым».

В сводном списке на втором месте по частотности конструкции, относящиеся к существительным, обозначающим разные сферы жизнедеятельности и самого существования человека: физическую, психическую, ментально-речевую, социальную и профессиональную. Приведем некоторые примеры.

- 1) Физическая сфера: «Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми *волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели*».
- 2) Ментально-речевая сфера: «Отец мой потупил голову: *всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына*, было ему тягостно и казалось колким упреком». — «*Жесткие выражения, на которые батюшка не поспешил, глубоко оскорбили меня*».
- 3) Психическая (или эмоционально-психическая) сфера: «Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в *задумчивость, не предвещающую ничего доброго*». — «Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную *задумчивость, которую питали одиночество и бездействие*».
- 4) Профессиональная сфера: «*Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом*, показалась мне тяжким несчастьем»; «<...> ибо мнение сие основано на всех *правилах здоровой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает*». Примеры причастных оборотов, относящихся к лексике этой группы, не обнаружены.
- 5) Социальная сфера: «Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких *народов, признавших еще недавно владычество российских государей*». — «По его (Швабрина — Л. Б., Т. Ц.) словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться *наградами, раздаваемыми от самозванца*».

Имена существительные, обозначающие артефакты, чаще употребляются с причастными оборотами, чем с придаточными предложениями. Так, при существительных, номинирующих военные сооружения и оружие, а также города, села и жилища, встречены только причастные обороты: «При них была и *артиллерия, взятая Пугачевым в малых крепостях, им уже покоренных*»; «Мы проходили через *селения, разоренные бунтовщиками*»; «Через пять минут мы пришли к *домику, ярко освещенному*»; «Я приехал в *Казань, опустошенную и погорелую*». Обе конструкции употребляются при существительных, называющих предметы домашней обстановки, одежду, напитки, но причастные обороты обозначают характеризующие признаки этих объектов, а придаточные предложения — события, с ними связанные (ср., с одной стороны: «Я вошел в *чистенькую комнатку, убранную по-старинному*»; «Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий *кафтан, обшитый галунами*; Перед нею стоял *кувшин воды, накрытый ломтем хлеба*»; — и, с другой стороны: «Я взбежал по

маленькой лестнице, которая вела в светлицу <...>»; «В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок»; «Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне *стакан* простого вина, до которого я не коснулся». Как видим, это придаточные с распространительным значением).

Существительные, обозначающие природные объекты, редко употребляются в анализируемых конструкциях. В тексте встретились следующие группы номинируемых объектов:

1) элементы ландшафта («Вокруг меня простирались печальные *пустыни, пересеченные холмами и оврагами*. — «Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую *стену, по которой неслась его тройка*»);

2) атмосферные явления («Однажды вечером <...> сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на *тучи, бегущие мимо луны*. — «Облачко обратилось в белую *тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо*»);

3) животные и растения («Ему подвели белого коня, украшенного богатой *сбруей*. — «По милости Пугачева, я имел добрую *лошадь, с которой делился скудной пищею, и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачевскими наездниками*»). Только причастные обороты употребляются при существительных, обозначающих водные объекты и времена года, причем все это единичные случаи: «*Река* еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных *берегах, покрытых белым снегом*»; «Это было в конце февраля. *Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию*».

Статистические данные, полученные в ходе анализа, извлеченного методом сплошной выборки материала, выявляют большую частотность встречаемости причастных оборотов по сравнению с придаточными определительными (соответственно, 57% и 43% от общего числа употреблений рассматриваемых конструкций в тексте) и более широкий семантико-грамматический потенциал причастных оборотов.

Проведенное исследование отражает и обобщает образный и предметно-вещный мир литературного произведения, который известен каждому со школьных лет и глубоко вошел в сознание каждого человека, получающего школьное образование с опорой на классические пушкинские тексты, составляя важный фрагмент картины мира носителей русского языка* (вспомним слова М. И. Цветаевой: «Пушкин на нас Пугачева навел, как наводят сон, горячку, чару»). Волшебный текст повести А. С. Пушкина «Капитанская

* Любопытен пример сравнения из книги писательницы Н. Ильиной, который приводит в качестве иллюстрации теоретических положений в своей монографии А. Ф. Прияткина: «*И тут стало ясно, что новое платье мало, жмет под мышками, я себя в нем чувствовала, как, вероятно, Пугачев в заячьем тулупчике, но надо было терпеть*» [14, с. 67].

дочка», при всей его изученности, предоставляет богатые возможности для проведения самых разных наблюдений, в том числе — для сопоставительных исследований функционирования придаточных определительных и обособленных определений, выраженных причастными оборотами. Результаты таких исследований могут быть интерпретированы и в диахроническом, и в синхроническом аспектах, поскольку синтаксический строй языка А. С. Пушкина, как можно видеть по приведенному материалу, остается современным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волынец Т. Н. Грамматический феномен причастия / Т. Н. Волынец. Минск, 1998. 138 с.
2. Волынец Т. Н. Семантика и грамматика русского причастия в тексте / Т. Н. Волынец. Минск, 1999. 31 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. 767 с.
4. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / С. Г. Ильенко. СПб, 2009. 398 с.
5. Кормилицына М. А. Полипропозитивные простые предложения в разных сферах общения / М. А. Кормилицына // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 308-316.
6. Крючков С. Е. Современный русский язык / С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Синтаксис сложного предложения. М., 1969. 191 с.
7. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. М., 2007. 412 с.
8. Одинцова И. В., Цзин Ян. Структурные и семантические характеристики союзного слова «который» в дистантном употреблении / И. В. Одинцова, Ян Цзин // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы V Международного конгресса исследователей русского языка (18-21 марта 2014 г.). М.: Изд-во МГУ имени М. В. Ломоносова, 2014.
9. Прияткина А. Ф. Синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. М., 1990.
10. Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды / А. Ф. Прияткина. Владивосток, 2007. 389 с.
11. Русская грамматика. Синтаксис. М., 1980. Т. 2. 709 с.
12. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения / Е. С. Скобликова. М., 2006. 264 с.
13. У И-и. Определительные предложения с союзным словом «который» (описание семантико-синтаксических вариантов) / У И-и // Русский язык за рубежом. 1985. № 2. С. 65-70.
14. Черемисина М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. Новосибирск, 1987.

REFERENCES

1. Volynets T. N. Grammaticheskii fenomen prichastiia [Grammar Phenomenon of a Participle]. Minsk, 1998. 138 p. (In Russian)
2. Volynets T. N. Semantika i grammatika russkogo prichastiia v texte [Semantics and Grammar of Russian Participles in a Text]. Minsk, 1998. 31 p. (In Russian)
3. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [The Grammar of Modern Russian Literary Language]. Moscow, 1970. 767 p. (In Russian)
4. Il'enko S. G. Kommunikativno-strukturnyj sintaxis sovremennogo russkogo jazyka [Communicative and Structural Syntax of the Modern Russian Language]. SPb, 2009. 398 p. (In Russian)
5. Kormilitsina M. A. Polipropositivnye proste predlozheniia v rasnykh sferakh obshheniia [Polypropositive Simple Sentences in Different Areas of Communication] // Russkii jazyk segodnia [Russian Language Today]. Moscow, 2000. Pp. 308-316. (In Russian)
6. Kriuchkov S. E., Maksimov L. Iu. Sovremennyi russkii jazyk. Sintaxis slozhnogo predlozheniia [Modern Russian Language. The Syntax of a Composite Sentence]. Moscow, 1977. 191 p. (In Russian)
7. Lomov A. M. Slovar'-spravochnik po sintaxisu sovremennogo russkogo jazyka [The Dictionary of the Modern Russian Language Syntax]. Moscow, 2007. 412 p. (In Russian)
8. Odintsova I. V., Tszin Jan. Strukturnye i semanticheskie charakteristiki soiusnogo slova "kotoryi" v distantnom upotreblenii [Structural and Semantic Characteristics of the Conjunctive Word "kotoryi" in Distant Usage] // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost' [The Russian Language: Its Historical Destiny and Present State]: Trudy i materialy V Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo jazyka (18-21 marta 2014 g.) [Works and Materials of the 5th International Congress of Russian Language Researchers (18-21 of March 2014)]. M.: Publishing House of Lomonosov Moscow State University, 2014. (In Russian)
9. Priiatkina A. F. Sintaxis oslozhnennogo predlozheniia v sovremennom russkom jazyke [Syntax of a Semi-composite Sentence in the Modern Russian Language]. Moscow, 1990. 176 p. (In Russian)
10. Priiatkina A. F. Russkii sintaxis v grammaticheskom aspekte (Sintaxicheskie sviasi i konstruktii). Isbrannye Trudy [Russian Syntax from the Grammatical Perspective (Syntactic Connections and Constructions). Selected Works]. Vladivostok, 2007. 389 p. (In Russian)
11. Russkaia grammatika. Sintaxis [Russian Grammar. Syntax]. Moscow, 1980. Vol. 2. 709 p. (In Russian)
12. Skoblikova E. S. Sovremennyi russkii jazyk. Sintaxis slozhnogo predlozheniia [The Modern Russian Language. The Syntax of a Composite Sentence]. Moscow, 2006. 264 p. (In Russian)
13. U I-i. Opredelitel'nye predlozheniia s soiusnym slovom "kotoryi" (opisanie semantiko-sintaxicheskikh variantov) [Attributive Subordinate Clauses with a Conjunctive Word "which" (the Description of Semantic and Syntactic Variants)] // Russkii jazyk za rubezhom [The Russian Language Sbroad]. 1985. No 2. Pp. 65-70. (In Russian)
14. Cheremisina M. I., Kolosova T. A. Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniia [Essays on the Theory of a Composite Sentence]. Novosibirsk, 1987. (In Russian)

Авторы публикации

Байдуж Людмила Максимовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Цзин Тун — аспирант кафедры русского языка Тюменского государственного университета

Authors of the publication

L'udmila M. Baiduzh — Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor at the Russian Language Department, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University

Tszin Tun — Postgraduate at the Russian Language Department, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University